

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

А. И. Чайковская

ФОРМЫ УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБОЯЗЫЧНЫХ ГРАММАТИКАХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В ранних филологических трудах восточных авторов, посвященных тюркским языкам и написанных предположительно на территориях мамлюкского государства Египта и Сирии в XIII—XIV вв.¹, средства выражения условного наклонения представлены по-разному. Сочинения интересны как авторскими трактовками этого вопроса, значительно различающимися между собой, так и наличием редких для средневековья форм и малоупотребительных во многих современных языках сочетаний аффиксов. То и другое предоставляет новые возможности для решения некоторых старых, но все еще актуальных вопросов о соотношениях форм наклонения и времени в тюркских языках, а также дает полезный материал для исторической грамматики и диалектологии.

Автор труда «Ал-хилъа» Ибн Муханна упоминает условные формы в следующих, в целом немногочисленных случаях²:

1) одна из небольших глав сочинения посвящена «частице условия» *âsä*, которая определяется как соответствие союзу *in*

---

¹ См.: Э. Н. Наджиб. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV в. АДД. М., 1965; Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, с. 70—74; З. Б. Мухамедова. Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. Аш., 1973; А. К. Курьшжанов. Язык старокыпчакских письменных памятников XIII—XIV вв. АДД. А.-А., 1973; O. Pritsak. Das Kiptschakische. — PhTF. T. 1. 1959, с. 74—87.

² Цит. по: П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900. См. также: Ahmed Rif'at. Kitâb hiljat al-insân wa halbat al-lisân. İstanbul, 1340/1921 (на араб. яз.); С. Е. Малов. Ибн-Муханна о турецком языке. — ЗКВ. Т. 3. Вып. 2. Л., 1928, с. 221—248; A. Battal. İbnü-Mühenna lûgatı. İstanbul, 1934; A. Таумас, Н. Ерен. İbnü-Mühenna lûgatı hakkında. — Türk dili ve tarihi hakkında araştırmalar. Ankara, 1950; З. Б. Мухамедова. Об изданиях некоторых арабоязычных филологических сочинений XI—XIV вв. — ИАН ТуркмССР. Серия общественных наук. 1967, № 1, с. 70—74; Юсиф-Зия Ширвани. Некоторые замечания относительно Ибн-Муханны и его сочинения. — Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 296—300.

‘если’ в арабском языке: *Zajd barğaj äsä bilän barğaj-män* ‘Если пойдет Зейд, я пойду с ним’ (с. 16 : 021—022). Следует отметить, что на письме эта частица передается как *إسا* или *إسه*, но огласована она в единственном случае как *äsä* (أسأ). Как отмечает П. М. Мелиоранский, частица *äsä* в арабском письме обычно передается как *ایسه*, т. е. иначе, чем у Ибн Муханны (с. 021);

2) к «частицам условия» в «Ал-хилъа» отнесены также местоимения *nä* и *kim*. Первое рассматривается как соответствие арабскому союзу условия *mahtmä* ‘что бы ни’; приведен пример: *mänüm bilän [nä] igülük äd-är-sä-n taruq ät-gä-män jahşylyuу qadagunça* ‘Что бы ты ни сделал мне хорошего, я [за все] услугу тебе соответственно’ (с. 17 : 022), в котором само местоимение *nä* отсутствует. Местоимение же *kim* представлено как соответствующее арабскому союзу условия *man* ‘кто бы ни’: *kim gäl-ür-sä gälsün* ‘кто бы ни пришел, пусть приходит’ (с. 17 : 022). В обоих примерах наличие аффикса *-sä* в составе тюркского глагола оставлено автором сочинения без внимания;

3) аффикс *-sa* упоминается в главе о будущем времени, где «сйн» и «алиф» (т. е. *-sa/-sä*) рассматриваются в качестве одной из примет будущего времени, употребляющейся в «редких случаях» и имеющей значение, аналогичное союзу условия *idä* ‘когда’. Подчеркивается, что сказуемое при этом должно стоять в форме будущего времени на *-ğa(j)*: *gün toğ-sa sängä gäl-gä-män* ‘когда солнце взойдет, я к тебе приду’ (с. 33 : 029).

Во всех случаях автор сочинения не выделяет аффикса *-sa/-sä* в составе глагольной формы как показатель условия, разграничивает функции аффикса *-sa* и вспомогательного глагола *äsä* и вообще не рассматривает глагольную форму как средство выражения условия. В этом, несомненно, сказалось влияние арабской грамматики. В арабском языке значение условия передается лексическими средствами, а именно условными союзами, причем «условный» тип предложения не сказывается на форме глагола. Видимо, поэтому и в тюркском языке Ибн Муханна обратился к лексическому инвентарю в поисках средств выражения условия, аналогичных арабским. Поскольку *äsä* он рассматривал как неизменяемую часть речи, эта «частица» и была избрана в качестве тюркской аналогии арабским условным союзам.

В сочинении «Ал-идрак» Абу Хайяна³ средства выражения условия рассматриваются в разделе синтаксиса (с. 152—154). В отличие от Ибн Муханны Абу Хайян выявляет, что значения,

³ Цит. по: A. C a f e r o ğ l u. *Kitāb al-İdrāk li-lisān al-Atrāk. Endülüsli Esiriddin Abu Naууan eseri. İstanbul, 1931.* См. также: М. Н. М а ж е н о в а. Абу-Хайян — исследователь кыпчакского языка (материалы к истории казахского языка). АКД. А.-А., 1969; Н. А. Р а с у л о в а. Исследование языка «Китāб ал-идрāk ли-лисāн ал-атрāk» Абу Хайяна (морфология, лексика и глоссарий). АКД. Таш., 1969.

передаваемые в арабском языке различными условными частицами, в тюркском выражаются формой глагола с «частицей -sa». Этот показатель условия -sa присоединяется непосредственно к основе глагола, положительной или отрицательной, и между ними «ничего нельзя вставлять». В зависимости от временной отнесенности условного действия автор делит глаголы условного наклонения на две группы. Он пишет, что условное действие может относиться или к плоскости будущего времени — и тогда будет соответствовать значению арабского условного предложения с союзом *in* 'если', — или к плоскости прошедшего времени, что в арабском языке передается конструкцией с союзом *law* 'если бы'. Заметим, что в арабском эти типы условных конструкций противопоставлены друг другу как выражающие реальное и ирреальное условие соответственно. При этом конструкцией с *in* передается действие, относящееся к будущему времени, а с союзом *law* — условное предположение или невыполненное условие в прошлом ⁴.

Как пишет Абу Хаййан, в тюркском языке условие для будущего времени выражается формой, образованной присоединением аффикса -sa/-sä непосредственно к основе глагола. При этом глагол следствия, т. е. сказуемое главного предложения, должен стоять в форме будущего времени: *Sanžar tur-sa Sonqur tur-γaj* — *in qāma Sanžar qāma Sonqur* 'если встанет Санджар, встанет Сонкур'; *tur-sa-n tur-γa-mān* — *in qumta qumtu* 'если встанешь ты, встану я' (с. 152). В комментарии к этим примерам Абу Хаййан проводит интересную параллель. Он замечает, что в арабском условном предложении с союзом *in* перфектная форма условного глагола *qāma* не выражает прошедшего времени, а замещает форму будущего, и точно так же в тюркском языке повелительная форма, являющаяся основой условного глагола, выражает не повеление, а условие для будущего времени (с. 152). Это замечание Абу Хаййана отчетливо характеризует его метод исследования тюркского языка как сравнительно-сопоставительный.

Вспомогательный глагол *isä* рассматривается в сочинении «Ал-идрак» в отличие от «Ал-хилъа» как обычная форма условия от основы глагола *i-* 'быть': «*Sanžar da turdy isä Sonqur turmyštur* — здесь *sä* — частица условия, *i-* — глагол в значении *kāna* ('быть, стать')» (с. 152).

К плоскости прошедшего времени относится, по Абу Хаййану, условное действие, выражаемое в тюркском языке следующими глагольными образованиями: *tur-myš-missä idin tur-myš-ydym* — *law qumta qumtu* 'если бы ты встал, встал бы я'; *Sanžar tur-myš-missä Sonqur tur-myš-ydy* — *law qāma Sanžar qāma Sonqur* 'если бы Санджар встал, встал бы и Сонкур' (с. 153); *Sanžar*

⁴ Б. М. Гранде. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963, с. 423—425.

dägül-missä Sonqur tur-myš-ydy — law lā Sanġar qāma Sonqur ‘если бы не Санджар, Сонкур бы встал’; män dägül-missä-m Sanġar tur-myš-ydy ‘если бы не я, Санджар бы встал’ (здесь: -missäm < -missä idim, с. 154); biz dägül-missä-j-idü-k Sanġar tur-myš-ydy ‘если бы не мы, Санджар бы встал’; sän dägül-missä-j-idü-n ‘если бы не ты’; anlar dägül-missä idi-lär ‘если бы не они’ (с. 154).

В приведенных примерах Абу Хаййан выделяет аффикс -missä как передающий значение нереального условия и называет его «частицей нереальности наличия/существования и [отсутствия] правдивости речи» (с. 154). Аффикс -missä он рассматривает как сложный, состоящий из -mis- и «частицы условия» -sä («-sä в -missä есть частица условия», с. 154). Автор пишет, что формант -mis-не употребляется, когда «сказуемым является глагол», т. е. при образовании условной формы от основы глагола: kăškä Zajd šuq-sa-jdy. ‘о, если бы Зейд вышел!’ (с. 127). По его свидетельству, форма с показателем -mis- образуется только от именных частей речи (заметим, что в арабской грамматике к классу имен относятся и причастия): kăškä Sanġar ävdä-missä-jdi ‘о, если бы Санджар был дома!’, kăškä Sanġar kül-är-missä-j-idi ‘о, если бы Санджар рассмеялся!’ (с. 127).

Абу Хаййан указывает, что формы условия для прошедшего времени употребляются при выражении действия, которое должно было произойти, чтобы совершилось другое действие (с. 152).

Подробное описание автором «Ал-идрак» значений и особенностей употребления аффикса -missä представляет большую ценность, ибо по другим источникам эта форма не известна.

Фонетически формант -mis- в -missä близок к аффиксу -муš. Однако по функциональной нагрузке, по особенностям формообразования и употребления они различны. Так, в «Ал-идрак» формант -mis- не употребляется самостоятельно, а только в сочетании с аффиксом -sa; -mis- не участвует в образовании условных форм от повелительной основы глагола: нельзя образовать словоформу типа tur-missä, но можно — типа tur-myš-sa; аффиксы -муš и -missä могут употребляться вместе (tur-myš-mis-sä). Вполне допустимо, что этимологически -муš и -mis- были вариантами одной морфемы, однако функционально, в рамках системы глагола диалекта/языка XIV в., представленного в «Ал-идрак», они являются разными морфемами.

Абу Хаййан отмечает специфическое употребление глагола в условной форме в функции определения к подлежащему в составе определительной конструкции: kăldi ol kim kör-sä-n säv-gä-sän ‘пришел тот, которого, если увидишь, полюбишь’ (с. 119); turdy bir är kim kör-är-sä-n säv-gä-sän ‘встал один мужчина, которого, если увидишь, полюбишь’ (с. 148). Употребление условной формы глагола в этой функции не зафиксировано исследователями других памятников письменности.

Относительно тюркской условной конструкции с местоимением *kim* Абу Хаййан замечает, что в отличие от арабского языка в тюркском «нет имени, выражающего значение условия» (с. 124). Он пишет: «Аналогично [арабскому] *man taḡrib aḡrib* 'кого ты ударишь, я ударю' [тюрки] скажут *kimni ur-sa-n/ur-ḡa-sa-n ur-ḡa-mān*. [Тюрки здесь] приводят и частицу условия, и имя. В арабском же имя содержит в себе значение условной частицы. В этом [тюркском] языке имя отделяют от значения условия, выражая его частицей» (с. 153).

Таким образом, налицо коренное отличие между Ибн Муханной и Абу Хаййаном в понимании сути условного наклонения и его реализации в тюркском языке, хотя оба они исходили из арабской лингвистической схемы. Добросовестное изучение способов выражения грамматических категорий, известных исследователю из грамматической схемы арабского языка, позволило автору сочинения «Ал-идрак» сделать правильные выводы, хотя они и не укладывались в исходную схему арабской грамматики.

Следует отметить, что Махмуд Кашгарский правильно рассматривает глагольную форму с показателем *-sa/-sā* в качестве средства выражения условия в тюркских языках⁵.

В «Ат-тухфа» анонимного автора⁶, как и в «Ал-идрак», условным формам посвящена отдельная «Глава об условиях» (с. 62б—65б), но формы условного наклонения трактуются иногда differently от «Ал-идрак» и представлены богаче по объему.

Сообщается, что условные формы тюркского глагола соответствуют по значению условным частицам арабского языка. Они делятся на формы для прошедшего и для будущего времени. Соответственно разделяются и арабские условные частицы: в группу выражения будущего времени включены: *in*, *law* и *iḏā*, а в группу прошедшего времени — *lawlā*, *lawmā*, *kullumā* (*kullamā*?), *matā*, *matāmā*, *maḥmā*, *ajjun*, *ajjumā*. Такое деление совершенно не соответствует грамматическому значению этих союзов⁷. Что касается тюркского языка, то это деление на временные плоскости также не выдерживается, далее автор выделяет не две, а четыре разновидности условных форм тюркского глагола:

⁵ Махмуд Кошгарий. Девону луғотит турк. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. Т. 3. Тошкент, 1963, с. 225.

⁶ Цит. по: Т. Н а л а с и - К у н. La langue des Kiptchaks d'après un manuscrit arabe d'Istanbul. P. 2. Budapest, 1942 (Bibliotheca Orientalia Hungarica. 4). См. также: Ettühfet-üz-Zekiyye fil-lûgat-it-Türkiyye. Çeviren Besim Atalay. İstanbul, 1945; Аттухфатуз закияту филлуғатит туркия. Туркий тил (қипчоқ тили) ҳақида ноёб тухфа. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. Тошкент, 1968; М. Т. З и я е в а. Исследование памятника XIV в. «Китāб ат-тухфат уз-закиййа фил-луғат-ит-туркиййа» (лексика, морфология, словообразование). АҚД. Таш., 1972; Э. И. Ф а з ы л о в. Замечания о рукописи и языке «Ат-тухфа». — «Turcologica» (К семидесятилетию академика А. Н. Кононова). Л., 1976, с. 334—340.

⁷ См.: Б. М. Г р а н д е. Курс арабской грамматики, с. 423—427.

1. Условие в *амре* [как и Абу Хайян, автор сочинения «Ат-тухфа» отмечает, что повелительная форма глагола (основа), к которой присоединяется аффикс *-sa/-sä*, значения повеления не передает, а употребляется вместо формы глагола будущего времени]: *tur-sa-n tur-ʔaj-män* — *in qumta anta aqum anā* 'если ты встанешь, встану и я' (с. 63б); *bi tur-sa tur-ar-män* — пример переводится на арабский язык тремя способами: 1) [in?] *qāma al-amīgu qumtu* 'если встанет бек, и я встану'; 2) *idā qāma al-amīgu* 'когда встает / встанет бек...'; 3) *law qāma al-amīgu* 'если бы встал...'. (с. 63а).

Исходя из деления в «Ат-тухфа» условных частиц арабского языка на две группы, можно предположить, что действие, выраженное словоформой *tur-sa*, отнесено к плоскости будущего времени, поскольку все три арабских союза в переводе причислены к группе частиц будущего времени. Однако грамматически правильный перевод арабских условных предложений показывает разноплановость временной отнесенности действия, выраженного тюркской формой *tur-sa*. Такой перевод скорее свидетельствует об отсутствии у нее самостоятельного временного значения.

Отметим, что по сравнению с «Ат-тухфа» в сочинении Абу Хайяна, известного арабского ученого-филолога, аналогия между тюркскими условными формами глагола и арабскими условными союзами проведена более грамотно и логично, с учетом основных дифференциальных признаков сравниваемых форм.

2. Условие в прошедшем времени: *bi tur-dy-sa tur-ur-män* (с. 63а) — перевод отсутствует; *bi tur-dy-sa quly tur-myš-dur* 'если бек встал, его раб стоит' (с. 64а); *bi tur-dy isä tur-ar-män* 'если бек встал, встану и я' (с. 63а).

3. Условие в настоящем времени: *bi tur-ar-asa tur-ar-män* (с. 63а) — перевод отсутствует; *bi tur-ar-sa tur* 'если встает бек, встань'; *bi tur-mas-sa tur-ma* — перевод отсутствует (с. 64б); *bi tur-ar isä* (с. 63б) — перевод отсутствует; *tüş-är-sä-ŋ igilik tar-ʔaj-sän* (с. 59б) — перевод не ясен: 'если найдешь жилище, будет хорошо'?

4. Условие в будущем времени: *bi tur-ʔaj-sa tur-ar-män* (с. 63а); *tur-ʔaj isä* (с. 63б) — переводы отсутствуют.

Приведен также пример, в котором временная отнесенность условного действия не указана: *bi tur-myš-sa quly tur-myš-tur* — *in al-amīgu qāimun mamlūkuhu qāimun* 'если бек стоит, его раб стоит' (с. 64б) — предложение арабского перевода составлено грамматически неверно.

Таким образом, в «Ат-тухфа» глагольные формы, выражающие условие, представлены в сочетании со всеми временными аффиксами, что и легло в основу их классификации автором сочинения.

Обращает на себя внимание показатель условия *asa*, упомянутый в «Ат-тухфа» в единичном случае (*bi tur-ar-asa tur-ar-män*,

с. 63а). Этот показатель в нескольких случаях отмечен Г. Телегди в тексте филологического трактата неизвестного автора XV в. «Ал-каванин»: *aldym-* (*aldyn-*, *aldyq-*, *aldyuz-*)*asa*; *aldyjasalar*, *aldylyrasa*; *alurasam*, *kätäräsäm*⁸. Данные «Ал-каванин» и «Ат-тухфа» подтверждают вероятность употребления в диалекте, известном Ибн Муханне, именно формы *äsä* как фонетического варианта *isä*. В исследованиях других памятников кыпчакских, карлукских и огузских языков данного периода формы *äsä* нет.

В рассматриваемых грамматиках можно выделить следующие типы условных образований:

1. *tur-sa* (+ *-m*, *-n*, *-q*, *-nyz*, *-lar*)
2. *tur-dy-sa*; *tur-dy isä*
3. *čyq-sa-jdy*
4. *tur-γaj-sa*; *tur-γaj isä*; *ur-γa-sän*; *bar-γaj äsä*
5. *tur-ar-sa*; *tur-ar isä*; *tur-ar-asa*; *gäl-ür-sä*; *ajt-yr-sa-η*, *tur-ur-sa-n*, *käl-mäz-sä-η*
6. *tur-myš-sa*
7. *tur-myš-missä*
8. *tur-myš-missä idi-n/idi-m*
9. *kül-är-missä-jdi*
10. *dägül-missä* (+ *-m*)
11. *ävdä-missä-jdi*; *dägül-missä-j-idi* (+ *-lär*), *dägül-missä-j-idi* (+ *-k*, *-n*).

По структуре формы делятся на простые, сложные и аналитические.

К простым относятся образования 1-го типа: показатель условного наклонения присоединяется непосредственно к основе глагола, позитивной или негативной. В полной парадигме спряжения этот тип представлен в «Ат-тухфа» (с. 516, 636):

	ед. ч.	мн. ч.
1-е л.:	<i>tur-sa-m</i> , <i>käl-sä-m</i> <i>tur-ma-sa-m</i> , <i>käl-mä-sä-m</i>	<i>tur-sa-q</i> , <i>käl-sä-k</i> <i>tur-ma-sa-q</i> , <i>käl-mä-sä-k</i>
2-е л.:	<i>tur-sa-n(η)</i> , <i>käl-sä-η</i> <i>tur-ma-sa-η</i> , <i>käl-mä-sä-η</i>	<i>tur-sa-nyz</i> , <i>käl-sä-niz</i> <i>tur-ma-sa-nyz</i> , <i>käl-mä-sä-niz</i>
3-е л.:	<i>tur-sa</i> , <i>käl-sä</i> <i>tur-ma-sa</i> , <i>käl-mä-sä</i>	<i>tur-sa-lar</i> , <i>käl-sä-lär</i> <i>tur-ma-sa-lar</i> , <i>käl-mä-sä-lär</i>

Аналогичная парадигма представлена в «Ал-идрак» (с. 153). В «Ал-хилья» приводится только форма 3-го л. ед. ч. этого типа (*toγ-sa*, с. 33).

Сложными являются образования 2, 4, 5, 6, 7 и 10-го типов, которые характеризуются присоединением аффикса *-sa/-sä* после показателя времени: *-dy* + *-sa*, *-⁰r* + *-sa*, *-γaj* + *-sa*, *-myš* + *-sa*, а также *-missä* + именная основа или причастие.

⁸ G. T e l e g d i. Al-Qawānīn. . . Eine türkische Grammatik in arabischer Sprache aus dem XV. Jhd. — KCsA. Ergänzungsband 1. H. 3. Budapest — Leipzig, 1938, с. 297.

Аналитические образования представлены 3, 8, 9 и 11-м типами условных форм, где показатель прошедшего времени глагол-связка *idi* присоединяется к показателю условного наклонения.

Как явствует из рассматриваемых грамматик, спряжение всех типов форм условного наклонения осуществлялось с помощью усеченных аффиксов лица.

Материалы других средневековых памятников свидетельствуют об употребительности как усеченных, так и полных аффиксов лица при спряжении глаголов условного наклонения⁹. По наблюдениям исследователей, парадигма спряжения условных форм глагола с полными аффиксами лица является более древней. Она отмечается в памятниках вплоть до XV в., хотя переход к усеченным формам спряжения зафиксирован начиная с XI в.¹⁰

Следует отметить, что в исследуемых сочинениях вспомогательный глагол-связка в условных формах фигурирует только в виде *idi* и *isä/äsä*, что, как известно, более характерно для огузских языков. Варианты *ärđi* и *ärsä* не встречаются.

Значения условных форм тюркского глагола авторы арабоязычных грамматик определяют термином *šart* 'условие'. Они не упоминают значений желанья, просьбы, цели, намерения, повеления, не указывают временной плоскости свершения другого действия и т. д., отмечаемых современными исследователями¹¹. Между тем в текстах сочинений встречаются примеры, где условные формы выступают в значениях желанья [*käškä Zajd šuyqsajdu* 'о, если бы Зейд вышел!' («Ал-идрак», с. 127)] и обозначают различные временные плоскости свершения другого действия [*gün toṭsa sängä gälgä-män* 'когда солнце взойдет, я к тебе приду' («Ал-хилъа», с. 33 : 029)].

Авторы всех трех рассматриваемых сочинений пишут, что форма типа *tur-sa*, т. е. простая форма условного наклонения, выражает значение будущего времени, и отмечают, что сказуемое предложения следствия должно при этом стоять в форме будущего времени. Однако, как показывают примеры, именно это обстоятельство и обуславливает временную семантику условного глагола типа *tur-sa*. К такому выводу приходят и некоторые совре-

⁹ Махмуд Кошгарий. Девону луғотит турк. Т. 3, с. 225; Э. И. Фазылов. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV в. АДД. Таш., 1967, с. 69; М. Ш. Рагимов. История формирования наклонения глагола в азербайджанском языке. АДД. Баку, 1966, с. 66; Ф. Абдурахмонов, Ш. Шукуров. Узбек тилининг тарихий грамматикаси. Ташкент, 1973, с. 149—150.

¹⁰ Ш. Шукуров. Наклонения и времена глагола в письменных памятниках узбекского языка в сравнительном освещении. АДД. Таш., 1974; с. 58—62.

¹¹ Э. И. Фазылов. Староузбекский язык, с. 69—71; М. Ш. Рагимов. История формирования наклонений глагола, с. 69—70; Ш. Шукуров. Наклонения и времена глагола, с. 65—67.

менные исследователи средневековых тюркских языков: «Форма на *-sa* имеет относительный характер, т. е. она может выражать действие (условие), отнесенное к будущему или к прошедшему времени, или в „общевременном“ значении в зависимости от «временного значения второго глагола, выступающего в функции сказуемого главного предложения»¹².

Во многих работах, посвященных тюркским языкам — как современным, так и средневековым, — в условном наклонении традиционно выделялись два времени: будущее (или настоящее-будущее) и прошедшее. При этом простые формы условия рассматривались как формы будущего (настояще-будущего) времени условного наклонения, а все прочие — как формы прошедшего времени условного наклонения. Некоторые современные исследователи классифицируют условные формы также по принципу реальности/ирреальности условного действия, выделяя при этом простые формы условия (повелительная форма + *-sa*) как выражающие условие реальное, и все остальные — как выражающие условие ирреальное¹³.

Фактически этот же принцип применен и Абу Хаййаном. В «Ал-идрак» представлены два ряда условных форм глагола, различающихся как морфологически, по способу формообразования, так и семантически, характеристикой условного действия, реального или ирреального. Как было показано выше, оба ряда четко разграничены самим автором сочинения. Один ряд составляют формы, образованные присоединением аффикса *-sa* (с последующими показателями лица/числа) непосредственно к основе глагола, позитивной или негативной. Семантически такой формой передается реальное условие, относящееся к любой временной плоскости или безотносительно ко времени, в зависимости от временной формы сказуемого главного предложения или от контекста. Другой ряд составляют формы, образованные от причастных глагольных форм или от именных частей речи путем присоединения сложного аффикса *-missä*. Семантически эти формы выражают условие ирреальное (что подчеркивается наличием форманта *-mis-*), относящееся к той временной плоскости, на которую указывает временной аффикс, входящий в состав такой формы.

Классификация условных форм, которую мы находим у Абу Хаййана, относительно оправдана лишь в рамках системы форм «Ал-идрак» (относительно, так как невключенными остаются формы типа *çuq-sa-jdu*, *ur-γa-sa-n*, *tur-ur-sa-n*, отмеченные в тексте).

¹² Ш. Ш у к у р о в. Наклонения и времена глагола, с. 64—65; М. Ш. Ра г и м о в. История формирования наклонений глагола, с. 72.

¹³ А. М. Щ е р б а к. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, с. 161.

Этот принцип не применим к системе форм условного наклонения, представленного в «Ат-тухфа», где они дифференцируются в зависимости от своей оформленности временными аффиксами.

В «Ат-тухфа» условное действие, выраженное словоформой, содержащей и временной аффикс, относится к той временной плоскости, на которую показатель времени указывает. Условная форма глагола, не содержащая временного аффикса, взятая вне контекста, во временном отношении нейтральна, что подтверждается тройным способом ее перевода в сочинении.

Следует подчеркнуть, что во всех рассмотренных случаях аффиксы -*du*, -*muṣ*, -*ḡ*, -*ḡaj* выступают как средство, выражающее характер протекания условного действия во временном плане, и представляют две временные плоскости его свершения: прошедшего (сочетания с *idi*) и непрошедшего (сочетания с -*muṣ*, -*ḡ*, -*ḡaj*). Формы внутри второго ряда дифференцируются в зависимости от их отдаленности от момента речи (при этом, как свидетельствует арабский перевод, формой на -*muṣsa* передается условное действие, совпадающее с моментом речи) и от модальной окрашенности, т. е. по признакам, характерным для данных показателей времени в рамках индикатива, представленного в рассматриваемых сочинениях. Сказанное позволяет заключить, что в тюркских языках мамлюкского государства XIII—XV вв. грамматические показатели времени и наклонения глагола были дифференцированы. При этом категория времени реализовалась и в микросистеме кондиционалиса (кроме индикатива).

Таким образом, в рассматриваемых средневековых арабоязычных грамматиках различие в авторских трактовках средств выражения условия в тюркских языках сводится к тому, что Ибн Муханна в этом качестве рассматривает лексические единицы — «частицы» *isä/äsä*, *kim*, *nä*; Абу Хаййан — глагольные формы двух видов, противопоставленные по принципу реальности/ирреальности условного действия; анонимный автор «Ат-тухфа» — глагольные формы условия в сочетании с различными временными аффиксами, определяющими временную отнесенность условного действия. Условные формы глагола, представленные в этих грамматиках, в основном известны по другим памятникам кыпчакских, огузских и карлукских языков. Исключение составляют формы с -*missä*, приводимые Абу Хаййаном. Малоизвестен также формант *äsä*.

Как показало проведенное исследование, дифференциальным значением условных форм тюркского глагола, представленного в арабоязычных грамматиках XIV в., является выражение неосуществленного действия, реальное свершение которого может быть или не быть возможным в той или иной временной плоскости или безотносительно ко времени, в зависимости от наличия показателя времени и его разновидности.